

27. *A Faithful Sea. The Religious Cultures of the Mediterranean 1200 – 1700* [ed. by A. A. Husein, K. E. Fleming]. – Oxford, 2007.
28. *Çubukçu İ. Türk Düşünce Tarihinde Felsefe Hareketleri / İ. Çubukçu.* – Ankara, 1986.
29. *Koprulu M. F. Early turkish mystics in turkish literature / M. F. Koprulu.* – New York, 2006.
30. *Nicolle D. Armies of The Ottoman Turks 1300 – 1774 / D. Nicolle.* – New-York, 1999.
31. *Ruba'i – Sultan Murad II (1421-1451) / Halsall P. Medieval Sourcebook: The Legends & Poetry of The Turks, selections* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ottomansouvenir.com/General/Turkish_Poetry.htm. Доступ – 13.05.2012 г.
32. *Tezcür G. Muslim reformers in Iran and Turkey: the paradox of moderation / G. Tezcür.* – Austin, 2010.
33. *The Bektashi Order of Dervishes* режим доступа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bektashiorde.com>. Доступ – 12.05.2012 г.
34. *Yildirim R Dervishes in early ottoman society and politics: a study of velayetnames as a source for history / R. Yıldırım.* – Ankara, 2001.

УДК 94(520)«1868/1873»:329.21`11`17(=520)

Культ императора как основа новой японской идентичности (первые годы эпохи Мэйдзи)

Чистотина Ольга

Чистотина Ольга. *Культ императора як основа нової японської ідентичності (перші роки епохи Мейдзі).* Стаття присвячена початку становлення культу імператора в якості державної ідеології у перші роки епохи Мейдзі. Розглянуто конкретні прояви тенноїстської пропаганди і зроблено спробу визначити роль та значення культу імператора у становленні японської ідентичності після Мейдзі ісін.

Ключові слова: культ імператора, синто, тенноїзм, національна ідентичність, Мейдзі.

Чистотина Ольга. *Культ императора как основа новой японской идентичности (первые годы эпохи Мэйдзи).* Статья посвящена началу становления культа императора в качестве государственной идеологии в первые годы эпохи Мэйдзи. Рассмотрено конкретные проявления тэнноистской пропаганды и сделано попытку определить роль и значение культа императора

в становлении японской национальной идентичности после Мэйдзи исин.

Ключевые слова: культ императора, синто, тэнноизм, национальная идентичность, Мэйдзи.

Chistotina Olga. Imperial cult as a basis of the new Japanese identity (first years of Meiji period). The paper is devoted to the becoming of imperial cult as a state ideology in the first years of Meiji period. The specific displays of Tennoistic propaganda are considered and an attempt to define a role and value of imperial cult in becoming of the Japanese national identity after Meiji Ishin is done.

Keywords: imperial cult, Shinto, Tennoism, national identity, Meiji Ishin.

Эпоха Мэйдзи в истории Японии – это время кардинальных преобразований, период, когда при жизни одного поколения государство превратилось из опутанной неравноправными договорами полуфеодальной окраины Азии в мощную империю, доминирующую на Дальнем Востоке, а «комплекс неполноценности» в массовом сознании сменился теорией японского превосходства [10]. При этом для понимания коренных преобразований, создавших в итоге современную Японию, особенно важен небольшой временной промежуток первых годов правления Мэйдзи. Период 1868–1873 гг. (от консервативной революции Мэйдзи исин до выхода из правительства Сайго Такамори и завершения военной, календарной и других реформ) – это время парадоксального сочетания традиционализма и модернизации, переплетения черт старой, отмирающей феодальной Японии и зарождающейся новой империи. Это делает ранние годы Мэйдзи сложными, но чрезвычайно важными для понимания основ, на которых зиждется самоидентификация японцев.

Результатом столкновения Японии с превосходящей по материальной мощи западной цивилизацией [15, с. 377] стало начало стремительного поиска японцами собственной идентичности. В ходе ломки феодальной структуры с её социальными и региональными идентичностями, через формирование совершенно новой идеологии под видом возрождения верований древности происходило конструирование японской нации [9]. Символическим и реальным центром, вокруг которого происходила консолидация общества, стала сакральная фигура императора. Именно культ императора стал выражением японского духа в формуле «вакон – ёсаи» (японский дух – европейские знания).

Проблема соотношения национальной идентичности японцев и культа императора в эпоху Мэйдзи была затронута многими исследователями, однако именно в таком контексте специальных исследований проводилось мало, нет обобщающей работы, посвященной трансформациям японского национального самосознания и роли императорского культа в этом процессе. Находящаяся в центре нашего

внимания проблема наиболее полно разработана в работах А. Н. Мещерякова – «Император Мэйдзи и его Япония» [12], а также многочисленных статьях [9; 10; 11]. Культ императора в Японии рассмотрен в монографии В. Н. Сила-Новицкой [19], японский национализм – в исследованиях Кевина М. Доака «A History of Nationalism in Modern Japan: Placing the People» [25] и Л. Д. Гришелевой [3]. «Духу Ямато» посвящена работа японского философа Кодзай Ёсисигэ [4]. Синто как основу тэнноистской идеологии рассматривали Г. Е. Светлов [17] и А. Б. Спеваковский [20]. Психологические механизмы формирования националистического японского самосознания находятся в центре внимания В. Т. Нанивской [16].

Важнейшими источниками исследования данной темы являются мемуары (прежде всего, воспоминания британского дипломата лорда Алджернона Митфорда [26]), сочинения японских просветителей («Записки соседа» Като Хироюки) и высшие государственные акты (собранные в сборнике «Японцы о Японии» [24]). В целом, круг источников, которые можно привлечь для изучения данной темы, достаточно широк. Перспективным может быть расширение культурологической составляющей исследования, что позволит привлечь новые источники и применить новые методы, взгляд с другого ракурса позволит более полно и ярко осветить проблему.

Консервативная революция Мэйдзи исин [14] прошла под лозунгом возвращения императору всей полноты власти. Сакральная фигура императора стала центром, вокруг которого сплотились силы, недовольные правлением сёгуна и не желающие превращения Японии в полуколонию западных держав. Однако после победы революции-реставрации перед её идеологами встал вопрос о том, как на практике воплотить единство политической и религиозной власти в руках 15-летнего императора – ведь предыдущие семь веков японские императоры не обладали реальной политической властью. На протяжении трех сёгунатов (Камакура, Муромати, Эдо) их функции сводились к исполнению ритуалов, а авторитет основывался лишь на религиозных синтоистских представлениях о «божественной династии».

Это кардинально отличало монархию и сам принцип легитимации власти в Японии и на Западе. В условиях сакрализации императорского рода как центра нации даже заимствование некоторых западных политических институтов сопровождалось их интеграцией в традиционную систему власти и не меняло характера внутригосударственных отношений. Особое, «божественное», происхождение Японских островов, императорской династии и самих японцев (концепция «кокутай» и теория «государства-семьи» [19, с. 51]) стало основой для представления об этнической исключительности, сделало этот культ формой национального самосознания. Культ императора после свержения Токугава нельзя рассматривать лишь как насаждаемую «сверху» официальную идеологию. Не менее значимым

было движение «снизу» [19, с. 5], этот стихийный культ вырос из многовековых монархических традиций, из национальной мифологии и японского менталитета и был их воплощением.

Сложная задача возвращения императору положения одновременно и публичного, и сакрального правителя была решена творцами Мэйдзи исин через культивирование его политического престижа на основе религиозного авторитета. В конструировании новой формы культа императора был взят курс на трансформацию традиционных стереотипов религиозного сознания масс – создание государственно синто и официальной идеологии тэнноизма. «Традиционные мифы были трансформированы официальными идеологами так, что они могли служить объединению японской нации для выполнения задач модернизации» [18, с. 46].

Первым шагом в закреплении особой связи императорского дома и синтоистского культа стал изданный 13 марта 1868 г. указ о восстановлении древнего единства религиозного ритуала и управления государственными делами – «сайсэй итти» [17, с. 121], который якобы существовал при первом императоре Дзимму. Таким образом, император сочетал полноту политической и религиозной власти, являясь одновременно и светским правителем, и верховным жрецом синто, в нем объединялось почитание религиозное и национальное. Новое правительство Мэйдзи взяло курс не только на возврат к принципам древнего государства, но и на воссоздание (псевдо-восстановление, создание заново) его институтов – указом о восстановлении «сайсэй итти» провозглашалось учреждение по образцу VIII в. Палаты небесных и земных божеств Дзингикан.

Возврат к принципу «сайсэй итти» сопровождался специальной церемонией, на которой император Муцухито торжественно принес божествам Неба и Земли клятву, в которой в очень общей форме высказывались новые принципы управления государством («Клятва пяти пунктов» [24]). Этот религиозный обряд положил начало практике сопровождения всех важных государственных решений синтоистскими обрядами. С этого времени мы можем отметить параллельность принятия государственных актов и их закрепление религиозными церемониями: идеологическая политика закреплялись ритуалами на массовом подсознательном уровне [18, с. 53], путем слияния религиозного и патриотического чувства в общественной мысли пропагандировалась идея японизма. Тэнноистская пропаганда ориентировалась на традиционные черты социальной психологии нации (конформизм, групповая лояльность, установка на акцентирование общественных интересов в ущерб личным) и поэтому дала быстрый эффект [19, с. 66].

В религиозных церемониях, при сохранении китайской основы церемониала, стало появляться все больше новых, сугубо японских, признаков. В целом, для обрядности государственного синто было характерно постоянное стремление подчеркнуть древность обрядов,

которое проявлялось во всем: в употреблении древних форм языка, в особенностях ритуальной одежды жрецов, их манере поведения [17, с.149]. При этом ритуалы, которые якобы лишь восстанавливали ритуалы прошлого, в большинстве случаев являлись вновь созданными – из 13 религиозных церемоний, проводимых лично императором, 11 были впервые введены в эпоху Мэйдзи [18, с. 53].

Среди мероприятий, направленных на усиление престижа императора, одним из первых стало реформирование календарной системы Японии. Для придания императорскому правлению еще более убедительных внешних атрибутов всеобъемлющей власти были внесены изменения в заимствованную из Китая еще в VIII в. традиционную форму летоисчисления по девизам правления. Девиз (гэнго), который выдвигал император при восшествии на престол, представлял собой род заклинательного благопожелания, фиксировал благоприятное знамение или некую программу правления, сформулированную в терминах морали или историософии [9, с. 116]. Ранее девиз менялся тогда, когда это сочтено нужным тэнно – во время правления Комэя (правил в 1846–1867 гг.) гэнго меняли шесть раз. 8 сентября 1868 г. Муцухито провозгласил девиз «Мэйдзи» («Просвещенное правление»), который не менялся в течение всего его правления. Решение о неизменности девиза и смене гэнго лишь при вступлении на престол нового императора было важным нововведением. Так как неблагополучия и потрясения в стране обычно сопровождалась сменой императорского девиза, такое решение должно было символически гарантировать неизменную благополучность правления. Таким образом, подчеркивалась власть императора над временем и демонстрировалась зависимость всего народа и природы Японии от императора.

Система гэнго, хотя и существовала при сёгунате Токугава, практически не имела никакого значения для населения страны, так как в повседневной жизни использовалась система 60-летних циклов [19, с. 65]. Первые пять лет правления Мэйдзи обе системы сосуществовали, и лишь в 1873 г. был проведен второй этап реформы. Было отменено летоисчисление по 60-летнему циклу и объявлено введение нового стиля «от основания Японской империи». Легендарная (записанная в «Кодзики» [7]) дата восшествия на престол мифического императора Дзимму (660 г. до н.э.) была провозглашена точкой отсчета японской государственности [17, с. 125] и летоисчисления. Примечательно, что в мифологии японцев вообще не существует глобального космогонического мифа, а есть лишь предание о создании Японских островов – то есть, по сути, это событие и так находилось в центре мифологического мироощущения синто – и до реформы, и после неё в еще большей мере [15, с. 41]. Японоцентрическая, ориентирующаяся на синтоистскую мифологию [18, с. 49], форма летоисчисления должна была стать противовесом системам западных держав с их отсчетом времени от Рождества Христова (лишь в январе 1878 года в Японии был официально

введен григорианский календарь). Кроме того, культовая для императорского рода и религии синто дата вошла в повседневную жизнь каждого японца и способствовала укреплению мифологического тэнноистского мировосприятия в массах.

Государственная пропаганда нуждалась и в новом символическом пространстве. В условиях Японии с её особым отношением к природе особую роль в родовой и позднее государственной символике сыграли цветы. Эта особенность – использование в гербах знатных воинских родов образов растений, птиц и даже насекомых, а не типичных для Европы более претенциозных символов, объясняется формированием японских гербов-монов в утонченной атмосфере Хэйана. В отличие от европейской геральдики, где цветы не были особенно популярны (за исключением французской лилии, алых и белых роз в гербах английских королевских династий, а также шотландского чертополоха), в монах многих знатных японских родов использовались различные цветы, род Токугава пользовался изображением мальвы в качестве личного герба, но единого государственного символа во время сёгуната не было. После реставрации Мэйдзи мальва как один из символов свергнутого режима утратила популярность, в то время как символ императорского рода – цветок хризантемы – из чисто родового, императорского герба превратился в государственный. Кроме того, появился государственный флаг – на белом поле красный круг, символизирующий восходящее солнце (Нихон – самоназвание страны), богиню Аматаэрасу и её «прямого потомка» – правящего императора [12, с. 228]. Под этим флагом были обязаны ходить все суда, в том числе и частные. В целом, именно первые годы Мэйдзи – это период создания и распространения общенациональной символики, что является важным фактором активизации этнического самосознания.

Реформы коснулись не только времени, но и пространства «страны богов». Назрела необходимость смены столицы и места пребывания императора. Киото, в котором с 794 г. находился императорский дворец, был связан с тысячелетней традицией. Чтобы избавиться от сковывающего фактора традиционалистской аристократии, было принято решение о переносе столицы. «Оставить Киото, где более тысячи лет безвыездно жил микадо, это было равносильно величайшей революции» [1, с. 237]. Реформатор Японии Мэйдзи (а точнее, его правительство) поступил почти так же, как и Петр I, стремившийся избавиться от влияния московского боярства. Вопрос о столице вызвал бурную дискуссию, в итоге которой было принято предложение Окубо Тосимити о провозглашении столицей города Эдо, переименованного в Токио. Первое путешествие Муцухито в новую столицу положило начало практике постоянных поездок императора по стране (до 163 поездок за год – при том что его предшественники за три столетия лишь трижды выезжали из столицы) [19, с. 64], «выхода из тени в свет», как определил этот процесс А. Н. Мещеряков [12].

После затворнической жизни императоров в Киото, когда никто из подданных, кроме узкого круга приближенных, никогда не видел императора, такая реформа имела очень сильное действие. А. Н. Мещеряков тонко заметил, что «тело императора (или же заменяющий его паланкин, в котором он передвигался) становилось доступным для обозрения, само смотрение на него являлось разновидностью ритуала. Теперь люди могли видеть, от чьего лица адресуются им указы, которые они обязаны исполнять» [11, с. 7]. Император, ранее бывший лишь символической отдаленной фигурой, предстал перед своими подданными как живой человек, при этом являющийся и потомком богов, абстрактная фигура императора была воплощена, визуализирована в конкретной личности Муцухито. В отношении Мэйдзи и подданных сочеталось отдаление и возвышение в ранг живого божества с приближением (даже чисто физическим) к простому народу.

Говоря о роли фигуры императора в бытовой жизни простых японцев, необходимо обратить внимание на то, как происходила модернизация в одежде японцев в начале правления Мэйдзи. Интересный культурологический анализ бытовых проявлений самоидентификации японцев в первые годы после реставрации проводит А. Н. Мещеряков, предлагая нестандартный ракурс исследования: рассмотрение восприятия японцами себя через проблему отношения к собственному телу.

При столкновении двух различных рас и культур с различными идеалами физической красоты, свои законы красоты начал диктовать Запад, а японцы стали считать свое тело «некрасивым» и «непропорциональным» [10]. Не имея возможности физически исправить «недостатки» (или же просто отличия) своего тела, японцы обратились к их сокрытию под европейским костюмом. При этом инициатива исходила от императора – был предпринят целый ряд мер по переходу на европейскую одежду (прежде всего, для мужчин). 4 сентября 1871 г. был издан указ, предписывающий чиновникам перейти на европейское платье. С мая 1872 года император стал появляться на публике почти исключительно в военном мундире, а в 1873 году Мэйдзи лично срезал свой хвост, подав пример подданным, и с этого времени начал носить короткую прическу с пробором, усы и бородку [12, с. 303]. Символом прогрессивной, «мужественной» Японии стал военный мундир императора. Он уравнивался образом Японии традиционной, в котором ведущая роль принадлежала женщине [10]. Таким образом, при активном заимствовании сугубо европейских атрибутов внешности, это обосновывалось обращением к японскому прошлому. Примечательно, что кардинально новый указ о переходе на европейскую форму одежды подкреплялся доводом о «возврате к временам предков», апелляцией к почитанию военных.

Проблема роли императора (а также его культа в массах) в милитаризации страны очень масштабна и требует отдельного исследования. Мы же сейчас лишь отметим, что в новую императорскую армию, созданную по европейскому образцу (ориентир – французская,

затем прусская армия), почти без изменений были перенесены требования самурайской этики [20, с. 43]. Офицеры, будучи самураями по происхождению и воспитанию, привнесли в новую армию все нормы морально-этического кодекса чести самурая, лишь модернизировав бусидо в соответствии с нуждами времени, заменив идеал безотчетной верности даймё на любовь к императору и «японский национальный дух» [3, с. 125].

Особую роль в ритуальном оформлении японского милитаризма сыграло санкционированное государством и лично императором обожествление воинов, павших «за великое дело императорского пути». В 1868-1869 гг. по всей Японии было построено несколько десятков мемориальных храмов, посвященных павшим японским воинам и подчиняющимся не министерству внутренних дел, а министерству армии и флота [17, с. 157]. В июне 1869 г. в Токио был основан один из таких храмов – Токё Сёконся, позднее по решению Мэйдзи переименованный в Ясукуни-дзиндзя, переводимое как «храм мира в стране». «Мирная страна» (цитата из китайского трактата Цзо Чжуаня) [27] – показательное название для наиболее милитаризованного святилища Японии.

Ясукуни сыграл важнейшую роль в религиозном и церемониальном освящении японского милитаризма. Он находился в ведении военного ведомства и поэтому пользовался особым статусом, в церемониях главную роль играли высшие представители армии. В январе 1874 г. император лично посетил церемонию посвящения павших воинов в сан ками в храме Ясукуни [18, с. 54]. Как утверждает Г. Е. Светлов, «это был беспрецедентный случай в истории императорской династии, так как раньше императоры не снисходили до того, чтобы посещать святилище, в котором поклонялись не божествам, а духам погибших людей» [17, с. 157]. Значение такого формата церемонии можно оценить лишь в контексте того обожания императора, которое в японской армии должен был чувствовать каждый. Такое государственное и общенациональное почитание для многих было более чем достаточным стимулом воевать и погибать за императора и Японию.

Таким образом, культ императора в Японии в ранний период Мэйдзи стал средоточием традиционалистской идеологии, но при этом именно через сакральную фигуру императора происходило приобщение японцев к западным достижениям, благодаря чему модернизация не вызвала отторжения в обществе. Почитание императора, сочетавшее и религиозное, и национальное чувства, стало мощным средством консолидации японской нации в первые годы Мэйдзи. Религиозная мифология тэнноизма ориентировалась на воспитанное веками синтоистское мифомышление как основу национальной идентичности. В тэнноизме связь подданных с императором была представлена и как главное проявление «национального духа», и как сакральный центр синто, основа «уникальной государственной сущности» – кокутай. Вера в «божественность» императорского рода, в отеческое отношение императора ко всем подданным стала основой для ощущения японцами

своего единства и появления в последующем теории японского превосходства. Традиционные мифы синто, близкие и понятные массам, были наполнены новым смыслом и трансформированы государственными идеологами так, что могли служить объединению японской нации вокруг сакральной фигуры императора.

Литература

1. *Богданович Т. А.* Очерки из прошлого и настоящего Японии / Т. А. Богданович. – СПб., 1905.
2. *Венюков М. И.* Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии / М. И. Венюков. – СПб., 1871. – 397 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.biblioclub.ru/81371_Obozrenie_Yaponskogo_arkhipelaga_v_sovremenno_m_ego_sostoyanii_Chast_1_Geografiya_i_statistika_Yaponii_Chast_2_Yapontsy_dom_a_i_v_obschestve_Chast_3_Yapontsy_na_chuzhoi_pochve_i_inostrantsy_v_Yaponii.html Доступ 22.05.2012 г.
3. *Гришелева Л. Д.* Эволюция концепции японского национализма и традиционная культура / Л. Д. Гришелева // "Дух Ямато" в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1989. – С. 118–139.
4. *Ёсисигэ К.* Современная философия. Заметки о "духе Ямато" / К. Ёсисигэ. – М., 1974.
5. *История Японии* / Жуков А. Е. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – Т. 2 – 708 с.
6. *Кодекс Бусидо.* Хагакурэ. Сокрытое в листе. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 432 с.
7. *Кодзики:* Мифы Древней Японии: пер. с яп. / Коллект. автор, Ясумаро, О-но, Пинусэ, Е. М., Фельдман, Н. И. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 253 с.
8. *Маркарян С. Б., Молодякова Э. В.* Праздники в Японии: Обычаи, обряды, социальные функции / С. Б. Маркарян, Э. В. Молодякова. – М.: Наука, 1990. – 245 с.
9. *Мещеряков А. Н.* Основные параметры японской цивилизационной модели / А. Н. Мещеряков // История и современность, 2006. – № 1. – С. 98–128.
10. *Мещеряков А. Н.* Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX - начало XX вв.) / А. Н. Мещеряков // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 246–265.
11. *Мещеряков А. Н.* Переезд императора Мэйдзи из Киото в Токио / А. Н. Мещеряков // Япония. Путь кисти и меча, 2004. – № 3. – С. 3–10.
12. *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония / А. Н. Мещеряков. – М., 2009.
13. *Михайлова Ю. Д.* Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в.) / Ю. Д. Михайлова. – М., 1991.
14. *Молодяков В. Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика / В. Э. Молодяков. – М., 1999.
15. *Накорчевский А. А.* Синто / А. А. Накорчевский. – СПб., 2003.
16. *Нанивская В. Т.* Психологические механизмы формирования националистического самосознания / В. Т. Нанивская. // "Дух Ямато" в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1989. – С. 78–95.
17. *Светлов Г. Е.* Путь богов (Синто в истории Японии) / Г. Е. Светлов. – М., 1985.
18. *Сила-Новицкая Т. Г.* Идеология «императорского пути» и массовое сознание / Т. Г. Сила-Новицкая. // "Дух Ямато" в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1989. – С. 42–67.

19. *Сила-Новицкая Т. Г.* Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Т. Г. Сила-Новицкая. – М., 1990.
20. *Спеваковский А. Б.* Религия синто и войны / А. Б. Спеваковский – Л., 1987.
21. *Танин О., Иоган Е.* Военно-фашистское движение в Японии / О. Танин, Е. Иоган. – М.: Политиздат, 1933. – 272 с.
22. *Хирочи Нагата.* История философской мысли Японии / Нагата Хирочи, пер. с яп./ общ. ред. и вступ. ст. Ю. Б. Хозловского. – М., 1991.
23. *Японский милитаризм: военно-историческое исследование.* / Под ред. Е. М. Жукова. – М.: Наука, 1972. – 376 с.
24. *Японцы о Японии.* Сборник статей первоклассных японских авторитетов / под ред. Шрейдейра Д. И., пер. с англ. М. А. Шрейдера и С. Г. Займовского. – СПб, 1907. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sites.google.com/site/histlife/istoria-aponii/istocniki> Доступ 27.05.2012.
25. *Kevin M. Doak.* A History of Nationalism in Modern Japan: Placing the People / Kevin M. Doak. – Boston, 2007.
26. *Mitford A.* Mitford's Japan: Memories and Recollections, 1866–1906 / A. Mitford [Электронный ресурс] Режим доступа: http://books.google.com.ua/books?id=3j-Ntov1P-AC&printsec=frontcover&hl=zh-CN&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false Доступ 14.05.2012.
27. *Yasukuni Shrine.* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.yasukuni.or.jp/> Доступ 27.05.2012.